

Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: sasha_khl@mail.ru

СЕМАНТИКА И МЕТАФИЗИКА В ПРОБЛЕМЕ ИСТИНЫ *

В статье рассмотрено соотношение семантического и метафизического подходов к решению проблемы истины, представленных корреспондентной и дефляционной теориями. На основании анализа метафизических обязательств корреспондентной и дефляционной теорий показано, что аргументы против дефляционной теории не могут рассматриваться в качестве поддержки корреспондентной теории.

Ключевые слова: истина, семантика, дефляционизм, раскавычивание, корреспондентная теория истины.

«Что есть истина», – вопрошал Пилат.
«Истина есть раскавычивание», – отвечал Куайн.

М. Дэвид «Истина и раскавычивание»

Достаточно сложно представить себе какую-либо традиционную философскую проблему, попытки решения которой были бы свободны от различных предпосылок и допущений общего характера и не ставили бы решение рассматриваемой проблемы в зависимость от более общих вопросов. Такая «контекстуальная» зависимость проявляется двояко: с одной стороны, на само решение рассматриваемой проблемы оказывают влияние общефилософские соображения относительно как нынешнего, так и желаемого состояния той области философии, к которой она принадлежит; с другой стороны, получаемые в процессе ее решения результаты могут выйти далеко за первоначальные пределы и оказать влияние на состояние той самой области, к которой ее сейчас приписывают. Именно так, на наш взгляд, обстоят дела с проблемой истины, которая традиционно является одной из центральных проблем гносеологии. На протяжении большей части истории философии связь истины с познанием являлась настолько очевидной, что замечание И. Канта о том, что «Истина – это объективное свойство познания» [Кант, 1996. С. 457], прозвучало чуть ли не как банальность. Иначе говоря, определение истины и нахождение общего критерия истинности является существен-

ным приближением к экспликации знания и объяснения самого процесса познания.

Вместе с тем эта связь понятия истины с гносеологией дополнялась не менее значимой для истории философии его связью с метафизикой. Эта связь обязана своим появлением той интерпретации истины, которая кажется естественной вплоть до наших дней. Традиция возводит первую формулировку этого понимания истины к Аристотелю: «говорить о сущем, что его нет, или о не-сущем, что оно есть, – значит говорить ложное; а говорить, что сущее есть и не-сущее не есть, – значит говорить истинное» [Аристотель, 1975. С. 141]. Аристотелевское высказывание, безусловно, не является дефиницией понятия истины; скорее, оно является простым примером устоявшегося словоупотребления. Тем не менее, в приведенном примере присутствует та связь гносеологического и метафизического аспектов проблемы, которая будет всегда присутствовать в традиционной концепции истины, получившей название корреспондентной. Помимо «Метафизики» Аристотеля, примеры интерпретации истинности как соответствия предложения реальности можно найти в его же «Категориях» и «Об истолковании», в «Кратиле» и «Софисте» Платона. Во всех этих сочинениях понимание истин-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 08-03-00397 «Формализация истинности и реализм теоретического знания»).

ности как соответствия высказывания реальности выступает как наиболее естественное.

Средневековые последователи Аристотеля уже разделяют «гносеологическую» и «метафизическую» составляющие проблемы истины. Так называемая «семантическая» версия корреспондентной теории являлась абсолютизацией гносеологического аспекта проблемы, существующего наравне с метафизическим толкованием истины. Сторонники семантической традиции подчеркивали важность соответствия предложения (или же мысли) обозначаемой реальности, не углубляясь в характеристику того, какова природа указываемой реальности. Примерами такой абсолютизации семантического подхода к решению проблемы истины являются сочинения У. Оккама и Буридана, избилующие анализом условий истинности для различных грамматических категорий, и избегающих вместе с тем каких-либо серьезных экскурсов в онтологическую проблематику. Доминирующим направлением в решении проблемы истины в средние века являлся, тем не менее, метафизический подход, допускавший применение понятия истины не только для характеристики мыслей или предложений, но – и прежде всего – к самим вещам. Такое понимание истины до сих пор сохранилось в разговорном языке, в котором вполне приемлемы такие обороты, как «истинная дружба», «истинное положение дел» и пр. Безусловно, в современной философии метафизическая версия корреспондентной теории истины является неприемлемой и может рассматриваться в лучшем случае как очередная демонстрация типичной для традиционной философии ситуации, когда проблема своим происхождением обязана исключительно тому обстоятельству, что язык, по выражению Л. Витгенштейна, «сработал вхолостую». Столь влиятельный в средние века метафизический подход к решению проблемы истины был предан анафеме в период становления аналитической философии: «...есть предложения... в которых понятие “истина” означает нечто реальное, и это заставляет философа искать ответ на вопрос, что представляет собой это “нечто”. Естественно, ему не удастся найти удовлетворяющий его ответ, поскольку его вопрос неправомочен» [Ayer, 1971. P. 89]. В результате отказа от метафизического подхода к решению проблемы истины един-

ственно оправданным остается только семантический анализ. Тем не менее, в период становления аналитической философии мы находим сторонников корреспондентной теории истины, которые не склонны абсолютизировать семантическую сторону проблемы, признавая важность ее метафизической составляющей. Дж. Э. Мур, Б. Рассел и Л. Витгенштейн внесли существенный вклад в разработку корреспондентной теории истины средствами аналитической философии. Апогеем попыток «комплексного» развития корреспондентной теории средствами логического анализа явилась теория логического атомизма, представлявшая собою вариант метафизического реализма и основанную на нем последнюю значительную попытку в рамках аналитической философии развития корреспондентной теории истины, включающей в себя вопрос о структуре реальности, которой соответствует истинное предложение.

Общим для всех сторонников корреспондентной теории истины является ее следующее формальное представление:

x истинно, если и только если x соответствует факту.

В данной формулировке совершенно не проясненными остаются три составляющие: чем является *x* (природа носителя истинности), что представляет собой факт (положение дел и пр., чему должен соответствовать носитель истинности) и, наконец, в чем заключается само упомянутое отношение соответствия. Один из наиболее распространенных приемов критики корреспондентной теории состоит в обвинении ее сторонника в том, что в случае интерпретации истины как соответствия вообще сложно вести речь о какой-либо подлинной теории: приведенная формулировка попросту тривиальна и не может претендовать ни на что большее, чем просто узаконивание устоявшегося словоупотребления. Вместе с тем любые попытки уйти от тривиальности предложенной формулировки всякий раз оборачиваются «метафизическим кошмаром». Так, прояснение в высшей степени неясного понятия соответствия требует выявления некоторого подобия между носителем истины и реальностью. Как правило, самым распространенным способом его обнаружения оказывалось постулирование как разного рода метафизических сущностей, так и не менее загадочных отношений меж-

ду ними. Несмотря на множество попыток найти ответ на вопрос о возможности подобия между реальностью и высказыванием о ней, нельзя сказать, что был найден ответ на возражение Беркли, согласно которому идея может быть подобна только идее. Другое направление критики попыток прояснить отношение соответствия восходит к П. Ф. Строссону и У. Куайну, согласно которому любой разговор о фактах или положениях дел, которому должны соответствовать носители истинности, является сомнительным, потому что любой разговор о фактах оказывается настолько похожим на разговоры о самой истине, что факты следует рассматривать не более чем фикции – онтологизированное подобие самих носителей истинности.

Метафизические джунгли, безуспешно вращиваемые во имя корреспондентной теории, скомпрометировали само понятие истины в глазах большинства философов ко времени господства неопозитивизма. Оправдание философского диспута об истине в глазах приверженца аналитической философии происходит в первой половине 30-х гг. и было связано с признанием семантической теории А. Тарского. Само название теории провозгласило триумф семантического подхода к решению проблемы, обещающего избежать обременительных метафизических обязательств. Большинство философов теория А. Тарского была воспринята как демонстрация удивительной плодотворности применения логико-семантического анализа к решению классических проблем: он дает безукоризненно доказанные результаты, за которые не приходится платить слишком дорогую метафизическую цену. Сам А. Тарский утверждал, что его целью является прояснение именно классического понимания истины, которое, несмотря на все предпринимавшиеся до сих пор попытки, остается неудовлетворительным: «несмотря на то, что обыденное, “устоявшееся” значение термина кажется достаточно выразительным и прозрачным, все попытки тщательного определения этого значения заканчивались до сих пор неудачей, а рассуждения, в которых выступал до сих пор вышеуказанный термин, основанные на интуитивно очевидных, на первый взгляд, предпосылках, неоднократно приводили к парадоксам и антиномиям...» [Тарский, 1999. С. 19–20].

Вместо каких-либо попыток метафизического прояснения отношения соответствия А. Тарский предлагает сугубо семантическое решение проблемы: «сконструировать верное по существу и формально безукоризненное определение термина “истинное высказывание”» [Там же. С. 19]. Фактическое сведение философской проблемы к решению формальной задачи, предпринятое Тарским, действительно позволяет ему избежать бесконечной вереницы традиционных философских споров из области гносеологии и метафизики. Вместо метафизических понятий семантическая теория использует сугубо логическое понятие расковычивания. Это понятие, являясь самой сутью теории истины А. Тарского, выводит семантическую теорию из традиционных метафизических джунглей в пустынную область логики.

Начиная создание семантической теории истины с построения частичного определения истинного высказывания

х является истинным высказыванием тогда и только тогда, когда р,

А. Тарский указывает, что эта общая схема превращается в конкретное объяснение любого высказывания путем замены символа «р» на соответствующее высказывание, а «х» – на имя этого высказывания. Для замены переменной «х» чаще всего используются кавычечные имена, которые «состоят из кавычек, левых и правых, а также выражения, заключенного в кавычки, и, собственно, представляющего собой десигнат имени» [Тарский, 1999. С. 23]. Так, для ставшего уже классическим примера с предложением «Снег бел» мы получаем следующее определение истины:

«Снег бел» истинно, если и только если, снег бел.

Обобщая подобные высказывания, мы получаем дефиницию понятия истины:

Для всякого х, х есть истинное высказывание тогда и только тогда, когда для некоторого х, х идентичен с «р» и р.

Семантическая теория А. Тарского с самого начала вызывала сомнения в своей философской значимости. Так, например, Гилберт и Бернайс, подчеркивая сугубо логическую важность результата Тарского, отрицали его какое-либо философское значение: «Выражение “определение истины” (в смысле Тарского) не дает оснований

ожидать философского объяснения понятия истины с помощью такого определения» (цит. по: [Воленский, 2004. С. 208]). Но вместе с тем существуют и противоположные оценки значимости полученного Тарским результата. По мнению Я. Воленского (см. [Воленский, 2004]), вполне допустима следующая интерпретация определения истины Тарского: высказывание x истинно тогда и только тогда, когда каждый ряд предметов выполняет это высказывание. В случае такой переформулировки определение истины в семантической теории оказывается долгожданной экспликацией метафизически туманного понятия соответствия, как оно использовалось классиками корреспондентной теории истины, заменяя понятие адекватности понятием выполнимости.

Вопрос о том, насколько теория истины А. Тарского действительно является логико-семантической экспликацией корреспондентной теории истины, до сих пор является дискуссионным. В связи с интересующей нас темой более важным является не столько тот факт, что результат Тарского реабилитировал метафизически скомпрометированное понятие истины в глазах таких философов, как Р. Карнап и К. Поппер, сколько тот факт, что он дал повод таким философам, как У. Куайн и Х. Филд для заявления о том, что сущность понятия истины можно признать выявленной, но заключается она вовсе не в том, в чем ее полагали сторонники теории соответствия. Речь идет о становлении позиции дефляционизма, которая до сих пор является доминирующей в современных дебатах, посвященных понятию истины.

Несмотря на заверения самого Тарского в своей приверженности восходящему к Аристотелю пониманию истины как соответствия реальности, У. Куайн исправляет возможную корреспондентную интерпретацию предиката истины в семантической теории. Он согласен с тем, что «предложение “Снег бел” является истинным, как учил нас Тарский, если и только если реальный снег действительно является белым» [Куайн, 2008. С. 24]. Но суть предиката истины в семантической теории заключена в том, что он представляет собой техническое средство «окольным путем», рассуждая о предложении, тем не менее, говорить о реальности, от которой и зависит истинность предложения:

«предикат истины обнаруживает свою полезность как раз в тех местах, где мы, несмотря на то, что все еще связаны с реальностью, принуждены определенными техническими осложнениями упоминать предложения. Здесь предикат истины служит для указания посредством предложений на реальность» [Там же]. Предикат истины нужен для того, чтобы, совершая семантическое восхождение, тем не менее, говорить о реальности, а не о предложениях все более высокого уровня. По выражению У. Куайна, именно эта «аннулирующая» сила предиката истины явно демонстрируется излюбленным примером А. Тарского

«Снег бел» истинно, если, и только если, снег бел.

Именно кавычки устанавливают различие между разговором о предложении и разговором о реальности: «Выражение в кавычках является именем предложения, которое содержит имя снега, а именно “снег”. Называя предложение истинным, мы называем снег белым. Предикат истины есть приспособление для раскавычивания» [Там же. С. 25] и требуется только в том случае, если нам необходимо утверждать бесконечную серию предложений. В случае же единичного предложения: «Мы можем утверждать отдельное предложение одним его произнесением» [Там же]. Выраженная У. Куайном идея получила название дисквотационизма и считается одной из разновидностей формулировки дефляционной позиции в отношении истины, восходящей еще к работам Ф. Рамсея.

Необходимо отметить, что наиболее многочисленная сегодня партия дефляционистов, по большому счету, не имеет никакой связанной, всеобщей разделяемой формулировки своей точки зрения. Пожалуй, единственное, что объединяет сторонников указанной позиции – так это апелляция к идеям Ф. Рамсея об избыточности понятия истины, определению истины А. Тарским и его интерпретации У. Куайном, а также убеждение в том, что понятие истины не является подлинным предикатом, выражающим свойство предложения. Можно различить, по крайней мере, четыре возможные формулировки дефляционистской позиции в отношении понятия истины.

1) Истина не является свойством, по крайней мере, не является подлинным свойством.

2) Т-предложение (т. е. предложение формы «р» истинно тогда и только тогда, когда р) полностью раскрывает значение предиката истины, и все утверждения истинности являются аналитическими.

3) Истины – это только инструмент расковычивания. Все, что можно утверждать об истине, следует из Т-предложения.

4) Понятие истины служит только определенным логическим целям, само это понятие – только средством обобщения, или семантического восхождения, или же служит цели выражения бесконечных конъюнкций и дизъюнкций.

В литературе можно встретить самые различные сочетания указанных формулировок, которые объединяет общее убеждение в избыточности понятия истины и указание на то, что приписывание предиката истины предложению фактически ничего не добавляет к утверждению исходного предложения. Таким образом, мы получаем идею, согласно которой, применять понятие истины к предложению – значит просто утверждать само предложение, что «истина» избыточна, служит исключительно логическим инструментом и не выражает подлинного свойства, исчезая входе анализа.

Сформулированная в самом общем виде, дефляционистская позиция кажется диаметрально противоположной корреспондентной точке зрения на истину: если последняя видит в истине подлинный предикат, выражающий определенное свойство предложения, связанное с его соотносительностью с реальностью, и природа этой соотносительности должна быть вскрыта философским анализом, первая позиция настаивает на элиминированности истины, видя в истине не более чем удобный инструмент с исключительно логическими функциями. Но возникающая противоположность корреспондентной и дефляционистской теорий требует уточнения: указанные теории не столько противоположны, сколько направлены на разные цели. Корреспондентная теория, трактуя истину как одноместный предикат, стремясь раскрыть его содержание, в большей степени интересуется метафизическими проблемами. Дефляционистская теория, напротив, совершенно безразлична к метафизике, ограничивая сферу своего интереса исключительно семантикой термина «истина».

Метафизическое различие между корреспондентной и дефляционистскими теориями

истины может быть рассмотрено как противопоставление реализма и антиреализма. Корреспондентная теория истины является реалистской теорией, тогда как дефляционизм, анализирующий исключительно логико-семантические аспекты понятия истины, придерживается антиреалистской позиции. Но сам характер антиреалистских обязательств дефляционного анализа нуждается в прояснении. Дело в том, что типичные лозунги дефляционизма – вроде знаменитого куайновского афоризма «истина есть расковычивание» – не проясняют самой сути антиреализма в отношении истины.

Сторонник корреспондентной теории, являясь реалистом в отношении истины, будет признавать существование как частного, единичного в отношении конкретного предложения, что делает его истинным, так и некоего общего всем истинным предложениям свойства, несводимого к простой совокупности частных соответствий отдельно взятых предложений описываемым в них фактам, которое и обозначается как соответствие. Именно на раскрытие природы этого свойства, играющего принципиально важную роль в понимании истины, и должен быть направлен анализ. Дефляционистская позиция, отрицая какую-либо реальность предиката истины, должна настаивать на отрицании важности какой-либо связи с реальностью. Вместе с тем в цитированном выше фрагменте У. Куайн при пояснении роли понятия истины в семантическом восхождении апеллирует именно к реальности: предложение «Снег бел» истинно именно в силу наличия в реальности белого снега. Другими словами, дефляционист ни в коем случае не отрицает роли фактов в обосновании истинности предложений и признает их важность. Различие между сторонником корреспондентной теории и дефляционистом в вопросе о «роли реальности» в понимании истинности предложений заключается в том, что дефляционист, признавая возможность утверждений формы «р объясняет, что S истинно», будет ограничиваться исключительно указанием, например, на законы природы или положения дел, применительно каждому отдельному предложению, отрицая возможность нахождения некоего общего всем истинным предложениям свойства соответствия. Антиреализм дефляциониста, таким образом, ограничен исключительно отрицанием какого-либо общего

всем истинным предложениям субстанционального свойства, составляющего природу истины.

Отрицая какую-либо осмысленность разговора о субстанциональности свойства истинности, дефляционист должен продемонстрировать элиминируемость понятия истины. Ограничивая его роль исключительно логическими функциями, например возможностью выражать бесконечные дизъюнкции и конъюнкции, дефляционизм сталкивается с серьезными трудностями. Так, В. Хэлбах демонстрирует возможность дисквотационно интерпретированного понятия истины выражать определяемые бесконечные конъюнкции (см.: [Halbach, 1999]). Тем не менее остается вопрос о том, как познается такое бесконечное обобщение: если все содержание понятия истины исчерпывается Т-предложениями, то и факт возможности подобных обобщений должен быть объяснен только на этой основе. Но Т-предложения, как отмечает Дж. Кетланд, предполагают только конкретные примеры обобщений, но не обобщение вообще (см.: [Ketland, 1999]).

Наконец, более важной проблемой, с которой сталкивается сторонник дефляционизма, является проблема консервативности. Если мы признаем понятие истины избыточным, то должны продемонстрировать, что добавление понятия истины является консервативным расширением исходной теории. Но демонстрация консервативности сталкивается с проблемой теоремы о неполноте К. Геделя. Так, С. Шапиро показал, что идея консервативного расширения несовместима с результатом К. Геделя (см.: [Shapiro, 1998]). Представим его аргументацию в само общем виде. Пусть Т является теорией, удовлетворяющей теореме о неполноте Геделя, а Т' – произвольная теория, содержащая предикат истины для L(T), тогда следующие рассуждения будут несовместимы с результатом Геделя.

1) Все высказывания в Т' об истинности предложений Т являются консервативным расширением Т.

2) Т' позволяет утверждать, что все теоремы Т истинны.

3) Т' содержит Т-эквивалентность для всех предложений Т.

Иначе говоря, если теория консервативна, мы не можем достичь обобщения 2), если же мы можем доказать 2), то наша теория

неконсервативна. Насколько нам известно, пока не было предложено формально удовлетворительных демонстраций совместимости идеи консервативности истины и результата Геделя.

Сказанного достаточно для демонстрации того, что дефляционизм сталкивается с серьезными трудностями. Поэтому говорить о полной победе над корреспондентной теорией истины пока еще слишком рано. Решения вставших перед дефляционизмом проблем в принципе возможны, и в случае их нахождения мы действительно получим очередной вариант логико-семантического решения традиционной метафизической проблемы. Более того, даже сейчас рассматривать упомянутые в связи с проблемой консервативности и обобщения трудности в качестве каких-либо аргументов в пользу корреспондентной теории истины весьма затруднительно. Так, можем ли мы считать аргументом в пользу субстанциональности предиката истины тот факт, что в своей попытке продемонстрировать совместимость консервативности истины и результата Геделя Н. Теннант (см.: [Tennant, 2002]) использует так называемый «принцип рефлексии», который приводит к неконсервативному расширению исходной теории? Безусловно, нет. Проблемы, встающие в ходе логико-семантического анализа понятия истины перед дефляционистом, не являются даже косвенными аргументами в пользу классической корреспондентной теории. И невозможность их немедленного решения не оборачивается для нас возвращением к «метафизике соответствия». На наш взгляд, эта своеобразная «несоизмеримость» аргументов и контраргументов в споре между дефляционистами и сторонниками корреспондентной теории может свидетельствовать в пользу того, что противопоставление двух указанных подходов несправедливо преувеличено. Видимо, стоит согласиться с М. Девином [Devitt, 2002] о том, что нельзя привести ни одного результата, полученного в ходе логико-семантического анализа понятия истины дефляционистом, который оказался бы неприемлемым для сторонника корреспондентной теории. Каждая из традиционно противопоставляемых позиций – субстанциональная корреспондентная теория и дефляционизм – являются результатом абсолютизации либо метафизического, либо семантического подхода к решению одной

проблемы, которые вовсе не исключают друг друга даже в аналитической философии – достаточно вспомнить Б. Рассела и раннего Л. Витгенштейна. На наш взгляд, семантический подход дефляционизма является не столько противоположностью метафизике корреспондентной теории, сколько ее экспликацией, придающей ей логически приемлемое содержание.

Список литературы

Аристотель. Метафизика // Аристотель. Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1975. Т. 1. 550 с.

Воленский Я. Львовско-Варшавская философская школа. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 472 с.

Кант И. Логика. Пособие к лекциям // Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука. Религия в пределах только разума. Логика. Пособие к лекциям. СПб.: Наука, 1996. С. 426–534.

Куайн У. Философия логики / Пер. В. А. Суворцева. М.: Канон+, 2008. 192 с.

Тарский А. Понятие истины в языках дедуктивных наук // Философия и логика Львовско-Варшавской школы. М.: Российская политическая энциклопедия, 1999. С. 19–156.

Ayer A. G. Language, Truth and Logic. Penguin books, 1971. 206 p.

Devitt M. The Metaphysics of Deflationary Truth // What is Truth? / Ed. by R. Schantz. N. Y., 2002. P. 60–78.

Halbach V. Conservative Theories of Classical Truth // Studia Logica. 1999. No. 62. P. 353–370.

Ketland J. Deflationism and Tarski's Paradise // Mind. 1999. No. 108. P. 69–94.

Shapiro S. Proof and Truth: Through Thick and Thin // Journal of Philosophy. 1998. Vol. 95. P. 493–521.

Tennant N. Deflationism and Gödel Phenomena // Mind. 2002. No. 111. P. 551–582.

Материал поступил в редколлегию 15.06.2009

A. V. Khlebalin

SEMANTICS AND METAPHYSICS INTO THE PROBLEM OF TRUTH

The correlation of semantic and metaphysical approaches is concerned. On the basis of metaphysical obligations for deflationists and correspondent theories analysis shown, that arguments against deflationist theory can not be viewed as support for correspondent theory.

Keywords: truth, semantics, deflationism, disquotatation, correspondent theory of truth.